

Доклад тов. Рыкова¹ на митинге в республике немцев Поволжья (30-го августа 1924 г.)

— Товарищи, я приехал в автономную республику Немцев Поволжья для того, чтобы ознакомиться с положением крестьянства. Правительство Союза смогло в этот год гораздо скорее прийти на помощь крестьянству, чем это было раньше. Я считал необходимым лично по деревням узнать, дошла ли уже наша помощь до крестьян, и каково их положение.

Автономная республика Немцев Поволжья переживает очень тяжелое время уже второй раз. Гораздо хуже было в 1921 году. Крестьянство не сумело еще по-настоящему оправиться от той, совершенно исключительной беды и нищеты, до которой оно дошло в 21 году, и вновь переживает год неурожая. При объезде сел и деревень я убедился, что семенная помощь получена во-время и посевная площадь будет засеяна в размере прошлого года. Но тем не менее положение крестьянства очень тяжело. Неурожай в этом году захватил значительный район с населением приблизительно в 8 миллионов человек. Для того, чтобы спасти это население от голода, правительство вынуждено израсходовать миллионов 70 золотых рублей. Наша общая казна небогата. Для того, чтобы оказать эту помощь нуждающемуся крестьянству, мы должны были сократить целый ряд совершенно необходимых расходов и

---

¹ Рыков Алексей Иванович (1881-1938) – второй, после смерти В.И. Ленина, председатель Совета Народных Комиссаров СССР (1924-1930) и РСФСР (1924-1929). Старейший член партии большевиков. Член Политбюро ЦК. В 1937 г. арестован. По делу «Правотроцкистского антисоветского блока» в 1938 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1988 г. – Прим. А. Шнак.

увеличить по сравнению с прошлым годом налог на крестьян в районах, не достигнутых неурожаем. Таким образом, помощь пострадавшему от неурожая крестьянству, в том числе и крестьянству автономной республики Немцев Поволжья, идет из тех налогов, которые мы собираем с населения, и в частности с крестьянства, которое далеко еще не стало на ноги и не оправилось от всех бед и разорений царской и гражданской войн. Поэтому правительство республики относится с чрезвычайной экономией к этой помощи, так как налоги уже достаточно велики, и каждую копейку, которую мы по налогам собираем, нужно расходовать с величайшей экономией и только для наиболее нуждающегося населения. Но то обстоятельство, что помощь крестьянам вашей республики оказывается за счет других крестьян, обязывает, чтобы помощь эта была оказана наиболее нуждающимся, наиболее бедным крестьянам, таким, которые без помощи не смогут уберечь своего хозяйства от разорения. Я здесь слышал на крестьянских сходах жалобы от зажиточных крестьян, которые жаловались, что их обидели, что им дали помощь меньше, чем бедняку-крестьянину и крестьянину-средняку. При тех небольших средствах, которые у нас есть, мы иначе делать не можем. Нужно в первую очередь поддержать бедняка, ибо он может дожить до настоящего голода, если ему государство не поможет. Поэтому мы дали приказ местным органам и местным исполкомам ту помощь, которую мы предоставляем (большего мы дать не можем), распределить в первую очередь между бедняками, дать, что можно, середнякам; что же касается тех слоев крестьянства (таких крестьян немного), которые могут, хотя и с потерями, выдержать и этот год сами, то мы не настолько богаты, чтобы помогать им. Мы не можем отказаться также от взимания налогов с той части крестьянства и городского населения, которая и в неурожайных районах может, хотя и в уменьшенном размере, налоги вносить, мы иначе поступить не можем, потому что те деньги, которые даем на автономную республику Немцев Поволжья, взяты с другого крестьянина, с крестьянина нижегородского, с крестьянина сибирского, с крестьянина Украины. И мы этим крестьянам не можем прийти и сказать, что мы берем с тебя налог с тем, чтобы богатому крестьянину, крестьянину с таким хутором, как я видел неподалеку от

Покровска, чтобы ему выдать семенную ссуду. Тогда крестьянин, с которого мы берем налог, чтобы помочь неурожайным районам, запротестует, ибо он нам налоги тоже вносит из последних сил. Он их вносит и будет вносить только в том случае, если он увидит, что они к богатому не пойдут, а пойдут к бедняку. Я это говорю на вашем митинге потому, что мне по дороге сюда везде и всюду задавали один и тот же вопрос так называемые обойденные: почему им не выдали семян? Если крестьянин, у которого крупного скота голов 10 или 12, продаст 2 головы, его хозяйство будет немного слабее, но оно сохранится. Если же однолошадный продаст лошадь, то его хозяйство разорится.

Так же нужно поступать и в отношении других видов помощи. Мы будем оказывать помощь путем выдачи ссуды под скот, организовывать общественные работы, будем помогать детям школьного и дошкольного возраста. Эту помощь нужно распределять так, чтобы середняки и бедняки этот год выжили и хозяйство свое сохранили, а если богатые станут немного победнее, то это Советской Республике особого несчастья не принесет.

В вашей республике голод на протяжении последних четырех лет повторяется два раза. Я поинтересовался, как же было раньше, до Октябрьской революции и советской власти. Оказывается, что для среднего и нижнего Поволжья из трех-четырех лет, один год всегда был засушливым и недородным. Мы собирали агрономов, ученых людей и спрашивали, – каким способом можно добиться, чтобы в этих районах неурожайных годов не было. И я считаю теперь установленным, что при помощи двух мер можно добиться того, чтобы у вас неурожайных лет не было.

Первая мера – это мелиорация. Необходимо больше использовать воду и снег, которые имеются на территории вашей республики. На общественные работы мы в этом году ассигновали 14 миллионов рублей на все пострадавшие районы. На эти деньги необходимо произвести такого рода работы, которые бы не только дали кусок хлеба пострадавшим от неурожая крестьянам, но и обеспечили бы урожай и при засухе.

Вторая мера заключается в том, чтобы лучше ухаживать за землей и изменить крестьянское хозяйство. В этом году в каждой волости можно найти хозяйства, которые в одних и тех же

условиях, при одних и тех же дождях, межа с межей- одни дали 20 пудов с десятины, а другие, рядом – 2 пуда.

Я приведу один пример: в коммуне Эйнигкейт, в 20 верстах от Маркштадта, – это видели лично члены моей комиссии, – на одной десятине картофеля выросло 2.000 пудов, а рядом – у соседних крестьян только 200 пудов, урожай проса в коммуне – 200 пудов, а у крестьянина – 30 п. Это произошло потому, что разные хозяева по-разному ухаживают за землей. У агрономов для вашей области выработана специальная система так называемого сухого земледелия. Они подробно описывают и подробно доказывают, как нужно ухаживать за землей для того, чтобы в такой год, как этот, у вас голода не было.

И в Саратовской, и в Царицынской губернии, и у немцев Поволжья, в кантоне Маркштадт, есть примеры хозяйств, которые дали в этом году если не удовлетворительный, то все-таки сносный урожай, в то время, как соседние хозяйства ничего или почти ничего не собрали. Это зависит от другой системы посева, севооборота, вспашки земли, качества земли и т.д., и т.п.

Вчера мне один крестьянин на эти мои слова ответил: « Вы нам скотину дайте, тогда все будет хорошо». Я ему сказал, что, конечно, мы скотину будем стараться давать и помощь для сохранения и приобретения скота оказывать, но думать, что тех, кто не идет на улучшение обработки своей земли, мы будем поддерживать до бесконечности, нельзя. Раз доказано, что может десятина дать больше, чем она дает при обработке теперешней, то крестьянство должно за землю взяться по-настоящему. Ведь, как при помещиках было? Помещичья земля давала на 10, на 15, на 20 пудов больше, чем давала крестьянская земля. Теперь земля родит еще меньше. Весь народ от этого беднеет. Беднеют и рабочие, беднеет все государство. Рабоче-крестьянское государство может встать на ноги только в том случае, если все работать будут лучше, умнее; если крестьянская земля после рабоче-крестьянской революции будет давать в два раза меньше, – весь народ будет жить в два раза хуже. Народ подождет год, подождет два, три года, а потом заявит, что при помещике было лучше. Ведь нам неоткуда, иначе как от крестьян же и рабочих, т.е. с того же народа средства для народа взять.

Тут большая часть присутствующих – рабочие. Нужно, чтобы они крестьянам всячески толковали, что если они дворян прогнали, землю взяли, – они должны учиться по-настоящему за землей ухаживать. Раньше на агронома смотрели, как на чужого. Кроме темноты и невежества крестьянства, это объяснялось еще и тем, что наиболее хорошие агрономы шли в хозяйства помещиков, которые им дороже платили. Но теперь, когда крестьяне получили всю землю, они науку должны заставить им служить и достижения ее применять на практике.

Я уже в двух местах предложил крестьянам выбрать ходоков и съездить в те хозяйства, в которых одинаковая земля, при одинаковых условиях, уродила в 10 раз больше.

К таким хозяйствам нужно присматриваться, допытываться, отчего это происходит, и перенимать. Если крестьяне бросят свои прадедовские обычаи и введут агрономию в свое хозяйство, путем мелиорации и др. способами улучшат обработку земли, то они навсегда избавятся от того, чтобы через каждые 3 года на четвертый или через два на третий следовал неурожай от засухи и голод. На основе устойчивого урожая государство будет все время вырастать, и население выйдет из той полосы нужды и лишений, которые продолжаются до настоящего времени. Крестьянский труд и крестьянская работа в настоящее время определяют у нас все. Из населения в 130 млн. – крестьян 100 млн. человек. Если крестьянин не будет сам более богатым, тогда он не в состоянии будет покупать у фабрик и заводов, нельзя будет поднять заработную плату, увеличить производство, уменьшить безработицу, удешевить товары. Необходимо, чтобы крестьяне стали более богатыми, чтобы у них нужды не было, чтобы они стали покупать больше городских товаров, сельскохозяйственных машин и т.п.

Я здесь не видел ни одного огорода, который крестьяне выпалывали бы. Все огороды травой заросли, картофель в поле не пропахивается. Когда крестьяне говорят, что они не могут больше собрать, потому что у них машин нет и скота нет, – это не все правда. Отсталость крестьянина в ведении хозяйства очень большая. Они привыкли, что картошка родится от господ бога, и не больше, как 200 пуд. с десятины. У нас же в центре возится из-за такого количества не будут. Я уже крестьянам объяснял, что у

господа бога и без картошки дела много и едва ли он знает, как картошку сажают. А крестьянин должен знать. Крестьянин рассчитывает на авось: сунул картошку в землю и думает, что господь бог ее будет растить. А вдруг он возьмет да и не вырастит! Тогда государству приходится помогать. Мы поможем и в этом году, но необходимо сделать сдвиг к улучшению крестьянского хозяйства. Крестьянин стал хозяином, крестьянин перед всем народом отвечает за то, что он землей пользуется по-настоящему, а не зря, что он по-хорошему за землей ухаживает.

Я еще в совершенно кратких чертах вернусь общего положения республики. Я уже сказал, что мы в этом году стали гораздо более сильны и потому без помощи АРА и всяких иностранцев сумеем с недородом этого года справиться лучше, чем это было в 1921 году. Это вы видели и по семсуде. Мы сумели доставить ее в срок, своевременно раздать крестьянам и посевную площадь семенами обеспечить.

Общее внутреннее положение вашей республики является благоприятным несмотря на неурожай. Я думаю, что из этого года мы выйдем с общим ростом нашего хозяйства, которое произойдет потому, что хотя 8 миллионов крестьян имеют недород, но у остальных 92 миллионов крестьян в нашем Союзе урожай около среднего. По отношению ко всей нашей стране мы имеем хлеба приблизительно столько же, сколько и в прошлом году. В прошлом году крестьянин получал за хлеб, в среднем, около 40 копеек за пуд. Теперь крестьянин за хлеб получает около рубля. За один пуд он получает в два раза больше, чем в прошлом году. Поэтому крестьянин по неурожайным районам больше выручит за свой хлеб, чем в прошлом году, и больше будет покупать машин, ситца, сахара и т.п. Это скажется на положении нашей промышленности. Хотя мы текстильную промышленность расширили на 35 проц., ситца не хватает и удовлетворить рынок, удовлетворить крестьянский спрос мы полностью до настоящего времени не можем. На основе повышения хлебных цен крестьянское хозяйство по всей республике вырастает, и это отразится на работе фабрик. Фабрика должна будет работать больше, чем она работала в прошлом году. А в этом залог общего роста нашего хозяйства, следствием которого будет улучшение положения всего народа. Если фабрики будут больше работать –

меньше будет безработных, больше будет рабочих и дешевле будет ситец и другие товары. Мы недавно, как раз перед моим отъездом из Москвы, вновь снизили цены на ситец, на табак и на ряд других товаров. Снижение цен идет в пользу рабочего и в пользу крестьянина.

Я вчера был в Новоузенском уезде. В деревнях я увидел частные лавки и мало хороших крестьянских кооперативных лавок. Частный купец задешево покупает ситец, а продает его задорого. У нас промышленность национализирована, и мы понижаем цены, чтобы рабочему и крестьянину было легче. Но между крестьянином и фабрикой вырастает частный торговец, который вздувает цены, иногда в два, три и четыре раза. Мне крестьяне жаловались, что товары дороги. Но в этом виноваты теперь сами крестьяне. Не можем же мы сами развозить по крестьянам ситец. Единственная возможность к тому, чтобы у потребителя был дешевый товар, – это организовать потребителя, организовать кооперацию, которой мы даем всяческие льготы в отношении кредита, дешевизны и т.д. Крестьяне и рабочие должны за кооперацией следить, чтобы она по-настоящему работала. Если мы в деревнях будем продавать ситец, керосин и другие товары через чиновников и каждый чиновник хоть раз в месяц украдет – во что это обойдется. В Московской губернии мне заявили, что правление кооператива слишком дорого стоит – нужно председателю платить, членам платить, секретарю платить, за квартиру платит. Я им предложил правление разогнать, а выбрать одно лицо, которое бы отвечало за все; это выбранное лицо хорошенько ревизовать, а всю эту историю с оплатой выборных должностей, конечно, бросить, так как, если наделать бесчисленное количество должностей около каждой лавки и каждой должности неведомо за что деньги платить, тогда, конечно, мы прогорим. Кооперацию нужно организовать дешево, чтобы она могла конкурировать с частной торговлей. В целом ряде губерний к этому делу привлекают женщин, которые, оказывается, по части кооперативной торговли часто бывают шустрее мужчин. То ли они по домам экономию наблюдают, то ли вообще к деньгам бережливей, но помощь их в этом деле совершенно исключительная. Они вкладывают всю душу и иногда дело ставят очень хорошо. Я должен сказать, что женщина

выделяется, главным образом, в деревнях русских. В дело организации кооперации нужно пускать женщин. У нас революция произошла, равенство всех полное, и женщина такая же гражданка, как и мужчина.

Перехожу к вопросу о нашей иностранной политике. Вы уже знаете, что мы недавно подписали договор с англичанами. Договор этот будет иметь величайшее значение для всех народов СССР. Он является крупнейшим международным актом из всех имевших место за последние годы. Основные положения этого договора заключаются в том, что англичане обязуются предоставить нам заем при том условии, что мы возместим те претензии английских граждан, которые будут признаны, как нами, так и английским правительством, справедливыми. Английские граждане, конечно, потерпели значительные убытки от Октябрьской революции, ибо основным лозунгом Октябрьской революции было уничтожение крупной собственности.

Мы отобрали фабрики, заводы, нефтяные промыслы, рудники и от русских и от иностранцев, в том числе и англичан. Англичане думают, что по отношению русских собственников – это наше внутреннее дело, но что касается английских собственников, то мы им должны возместить все понесенные ими убытки. Мы им заявили, что по-нашему справедливо – ни английским, ни русским собственникам не возмещать, но что мы согласны поговорить о частичном возмещении убытков англичан при условии предоставления нам займа на сумму не меньше той, которую мы согласимся уплатить англичанам. Мы согласились с тем, что если мы получим заем в 300 или 400 миллионов рублей, то будем платить не 8 проц., а 10 или 12 проц. (обычный процент по займам 8 проц.). Излишек сверх 8 проц. может идти на удовлетворение претензий английских граждан. Весь заем мы вкладываем на улучшение нашего хозяйства, т.е. закупаем для крестьян сельскохозяйственные машины и семена, улучшаем наши фабрики, закупаем для них сырье и т.д., и т.п. Мы рассчитываем при этом так вложить эти деньги в крестьянское хозяйство и промышленность, чтобы они нам эти 10-12 проц. вернули. Мы настолько окрепли, что можем такого рода заем заключить и на этом займе получить доходов около 20 проц., так что после покрытия процентов по займу останется прибыль в

нашу пользу. Из доходов от этого займа мы и соглашаемся уплачивать ту часть претензий, которую признаем справедливой англичанам уплатить. Английское правительство включило в договор специальные оговорки о том, что оно признает невозможным требовать от нас всех убытков, которые потерпели у нас английские подданные, и о том, что английское правительство должно нам уплатить за так называемую интервенцию, т.е. за то, что англичане боролись с революционным русским народом как путем высадки английских войск в Архангельске и Одессе, так и путем оказания помощи деньгами и оружием Колчаку, Юденичу, Деникину и т.д. Мы заявили англичанам: коли вы напали на нас и мы победили, то потрудитесь нам те убытки, которые вы нам причинили, уплатить. Англичане приняли это наше требование. Окончательные цифры – сколько и какие обязательства мы берем на себя и какой заем и на каких условиях мы получим от английского правительства, – в этом договоре не установлены. Договор определяет только основные правила, согласно которым эти цифры должны быть установлены. Согласно этого договора, который является предварительным, создается специальная комиссия для заключения уже окончательного договора, в котором будут установлены суммы того, что мы получим, размер займа и его условия и те обязательства, какие мы берем на себя. Если мы этот договор заключим, то этим самым откроется совершенно новая страница в наших международных отношениях, потому что до настоящего времени мы ни с одним государством не урегулировали всех вопросов, а эта неурегулированность затруднила наше хозяйственное развитие.

Современная Англия и Советский Союз – это два государства с совершенно различными системами организации. Поэтому понадобился большой срок и большой рост силы русского народа и Союза Советских государств, чтобы заставить сильные капиталистические государства признать наше правительство законным. Теперь мы этого добились. Английское правительство признало нас и вошло в парламент с предложением на определенных условиях гарантировать нам от имени английского правительства заем. Значит, правительству революции, уничтожившему дворян, помещиков и царя, капиталистическое правительство с королевством, с палатой лордов гарантирует

заем. Это достижение совершенно исключительное, и мы его смогли получить только благодаря энергичному вмешательству английских рабочих. По вопросу об отношении к Советской России английские рабочие оказали могущественную поддержку русскому рабочему классу. Английский рабочий, рабочий-массовик и профсоюзы идут дальше своего правительства. Судя по газетам, их лидер Макдональд не хотел подписывать договора. Уже было опубликовано, что договор не будет подписан, так как к соглашению не пришли. Тогда рабочие потребовали обсуждения всего вопроса в своей фракции в палате общин, которая высказалась за нас и потребовала возобновления переговоров и заключения договора. Вы видите, насколько велика была поддержка английского рабочего класса. Она дала нам первый общий международный договор, договор с Англией, значение которого колоссально. Мы этого договора еще не ратифицировали. На двух митингах рабочие мне рассказывали, что лучше его не заключать, потому что заем является кабалой. – Мы, – говорили они, – из года в год понемножку растем без границы; правда, положение сейчас тяжелое, но потерпим еще год, два, три, так как с каждым годом становится лучше. И наше мнение таково, что лучше самим побиться еще, хуже пожить еще год, но в кабалу к английским банкирам не идти. – Я им отвечал, что рабочие должны это обсудить. Договор еще не подписан. Тут кое-что справедливое есть. Тут дело расчета. Я им привел такой пример. Я в поволжских губерниях видел много безлошадных хозяйств, но с засевом. Там пахут и боронят на бабе или обрабатывают землю лопатой. Но это не настоящее хозяйство. Оно из года в год немножко улучшается, но оно встанет на ноги только тогда, когда будет куплена лошадь. Крестьянин работает лопатой или пашет на бабе и из года в год понемногу откладывает, чтобы лошадь купить. Но можно лошадь купить и другим путем. Получить кредит, лошадь купить и в 2-3 года кредит этот погасить. Так вот, надо выбирать между этими двумя примерами. Или годы по копейке сколачивать деньги на покупку лошади, или взять кредит в банке, купить лошадь, хозяйство на ноги поставить и из доходов от хозяйства кредит погасить. Если мы хотим заключить договор с англичанами, – это значит, что мы хотим купить в кредит лошадь. То, что предлагают рабочие, – это

годы медленного накопления. Тут надо рассчитывать, что выгоднее. Но повторяю, что вопрос спорный. Спорный потому, что если мы не сумеем так употребить деньги, чтобы была выгода хозяйству, если мы не сумеем от займа получить доход, то заем заключать не надо. Но если мы его по-хозяйски в дело вложим, оттуда доходы получим, – тогда на заем нужно идти. По-моему на заем нужно идти, потому что мы хозяйствовать научились гораздо лучше, чем 5-6 лет назад и риска в том, что мы не сумеем эти деньги использовать по-настоящему, нет. Мы сумеем его хозяйственно вложить в дело, получить доходы и улучшить нашу промышленность и наше сельское хозяйство.

Вот все существенное, что я хотел сообщить на настоящем митинге.

Известия, 9 сентября 1924 г., № 205, с. 1.